

"ОБЛАКА"

06.03.2012

В эфире программа «Облака».

Это передача о заключенных, для заключенных и для всех тех, кому не безразлична их судьба.

Здравствуйте. У микрофона Ирина Новожилова.

Для большинства людей в нашей стране, как и в любой другой, мотивы тех немногочисленных подвижников, которые посвятили свою жизнь реабилитации заключенных, кажутся, по меньшей мере, непонятными. Работать на благо тех, кто преступил уголовный закон и общепринятые моральные принципы - для этого должны быть какие-то особые причины.

Одним из ярких примеров активных защитников прав и интересов заключенных, является председатель Комитета за гражданские права Андрей Владимирович Бабушкин. Его самоотверженная деятельность лишней раз подтверждает, однако, известную истину, что правозащитниками не рождаются. Рассказывает **Андрей Бабушкин**:

Не очень понятно, как я к этому пришел. Если я правильно сейчас отображаю ситуацию, меня вообще очень сильно волновала проблема детей-правонарушителей, когда я был еще ребенком, да. Для меня было совершенно дико осознать, я был в восьмом классе, и были дети-пятиклассники, это были наши подшефные, и я видел среди них много детей с расстройством поведения. Я думал в ужасе, я знал статистику, я знал, какое количество попадает в тюрьму, думал, господи, неужели из этих 10-летних детей тоже через 20 лет кто-то окажется в тюрьме, кто-то будет ходить в наколках. И для меня всегда этот мир он был очень страшным, очень тревожащим, будоражающим и враждебным. Я очень плохо к этому миру относился.

Переосмыслить свои взгляды Андрею Владимировичу помог Валерий Абрамкин, директор Центра содействия реформе уголовного правосудия. Участник демократического движения 70-80-х годов прошлого столетия, Валерий Федорович провел 6 лет в советских тюрьмах и лагерях всего лишь за публикацию самиздатовских журналов. Переживание длительного тюремного опыта оказало очень сильное влияние и на него самого, и на судьбы многих людей, которые встречались на его пути. Вспоминает Андрей Бабушкин:

Первый человек, который в современной российской культуре второй половины 20 века заявил, что ... на этих людей не надо ставить крест, что они не являются неким объектом работы, объектом воздействия, да, или каким-то исключенным из жизни явлением, а что эти люди всё равно к нам вернуться, что мы всё равно с ними связаны незримыми связями, что нельзя про них забывать, вот насколько я понимаю, первым таким человеком был Валерий Федорович Абрамкин. Кто-то про это говорил, кто-то это упоминал, но никто не проводил это в плане изменения парадигмы восприятия, установки общественного сознания, элемента культуры – советской, российской. Вот он был первым, кто об этом сказал, и люди, пообщавшись с ним какое-то время, они наконец-то, начинали это понимать.

* * *

После того, как правонарушителя забирает милиция, общество, мы с вами, скорее всего уже не будем интересоваться, что там дальше с ним происходит. Он просто перестает для нас существовать. И нам может быть даже все равно – дали ему 7 лет или отпустили через

10 минут. Андрей Бабушкин сам бывал в ситуации потерпевшего и считает, что жертву преступления скорее волнует другое:

Я анализировал очень много работы с потерпевшими и пришел к выводу, что для потерпевшего, ну, кроме случаев самых страшных преступлений, в большинстве случаев для потерпевшего важно не суровое наказание. Для него важно извинения, ну, даже не возмещение вреда – раскаяние этого человека, и ощущение такого психолого-правового комфорта, когда он знает, что восторжествовала справедливость, человеку стало стыдно, он начал исправляться, он изменился. То есть для потерпевшего эта вещь является, наверно, большей даже ценностью в большинстве случаев, чем материальное возмещение.

Постепенно интересы Андрея Бабушкина все больше сосредотачивались на том, чтобы помогать людям не попадать в преступный мир. В какой-то степени это началось еще тогда, когда он вел пионерскую и комсомольскую работу. А в 1990-м году, будучи депутатом Моссовета, он уже организовывал работу межведомственной комиссии по делам спецучреждений, адаптации бывших осужденных и профилактики правонарушений.

Она взяла на себя три задачи. Это – ситуацию в спецучреждениях, Второе наше направление было – реадаптация, то есть работа с теми, кто освобожден, и третье направление наше было – профилактика, то есть проведение мероприятий для тех, кто еще не совершил преступление. Ну и мы что-то сделали, конечно, мы были очень наивными людьми, но силой комиссии было то, что она была межведомственной, там были представители ведомств, там были представители общественности, там были бывшие заключенные, там были бывшие сотрудники правоохранительных органов. И, в общем-то, мы за три года, что она существовала, что-то смогли сделать, ну, конечно, я думаю, наиболее плодотворными для нас были 94 и 95 год, но, увы, тогда уже Моссовет прекратил свое существование. Так я пришел в тюремную тематику, так я стал заниматься этим делом.

Андрей Бабушкин признает, что в 90-е годы было сделано много ошибок. Не случайно сегодня какой-нибудь человек может написать ему из зоны: «Вы мне помогали 18 лет назад, когда мне было 15, я был в детской колонии, а сейчас мне 33 года, и я снова сижу».

Наша главная ошибка заключалась в том, что мы пытались дать людям не то, что им было надо на самом деле, а то, о чем они нас просили. Как и все молодые правозащитники, как и все люди, которые начинают заниматься благотворительной деятельностью, мы полагали, что то, что человеку нужно на самом деле, и то, о чем человек тебя просит – одно и то же. И, когда тюремщики – бывалые, опытные – тюремные волки говорили: вы этого не делайте! Надо делать то-то, мы – как!? Ты нарушаешь права человека, ему это не нужно. А потом выяснялось, что жизненный опыт – он оказывался все-таки за этими тюремными седыми волками. А не за нами. Мы сделали очень много ошибок.

* * *

Системных ошибок было три, признает Андрей Бабушкин. Прежде всего, это предоставление людям каких-то подарков, материальных ресурсов, вместо того, чтобы научить их самих это зарабатывать. В этом слабость всех благотворителей. Вторая ошибка – в том, что упор делался не на обучении людей самостоятельному принятию решений, а на решении сиюминутных конфликтов. А это не всегда правильно. Иногда человек должен пройти какую-то серию конфликтов, чтобы у него появилась потребность научиться в дальнейшем избегать подобных ситуаций.

Мы пытались максимально этих людей уберечь от каких-то там вообще стрессовых ситуаций, хотя не всегда это нужно, не всегда это идет во благо этому человеку, потому что, к сожалению, стрессы – это один из механизмов социализации. Может быть, самый жестокий, самый суровый по отношению к человеку, да. Конечно, человека надо от

стрессов оберегать, но не от всех, да. И третья – мы не смогли сохранить вот ту взятую нами планку по дальнейшему социальному сопровождению этих людей. ... дело даже не в том, что у нас не было ресурсов, у нас действительно не было для этого ресурсов, но дел в том, что мы не понимали, насколько важно, что настоящая работа с осужденным начинается не тогда, когда он попал в тюрьму, а когда он покинул тюрьму. Всё хорошее, что в нем накоплено, может быть утеряно за 10 дней, и все плохое, что в нем накоплено, может быть приумножено в квадрате за эти 10 дней. Мы эти вещи не понимали.

Ответственность, как главное качество, недостающее людям для их полноценной жизни в обществе, к сожалению, практически не развивается в местах лишения свободы в их сегодняшнем виде. Собственно, такая же ситуация пока остается и в системе воспитания наших детей и юношества в целом.

Сегодня, конечно, мы перед людьми ставим вопрос об их ответственности. Иногда, когда мы получаем письма от заключенных и отвечаем на письма заключенных, они – слушайте, вы хуже, чем прокуроры, вообще, вы чего? Вы такие про меня вещи спрашиваете, вы мне пишете, что вообще там я... вообще вас ненавижу... Да, мы хуже, чем прокуроры, мы представляем интересы общества. Прокурор представляет свое профессиональное сообщество, его задача в лучшем случае отследить – соблюден ли закон или нет. А потом вообще поступить по-своему, перед нами не стоит задача соблюдения закона, для нас закон – это не цель, это всего лишь механизм достижения иных целей.

Чтобы выжить в тюрьме, для подростка, например, важно какие у него есть способности и как ему там помогают эти способности раскрыть. Второй важный фактор – насколько позитивны ценности у окружающих, в какой мере он соответствует социально-позитивным ценностям, и насколько ему в этом помогают в колонии.

Это и есть приближение человека к социально-позитивным ценностям окружающих – это и есть основное содержание процесса исправления. Ничто иное как именно это. Третье – насколько он способен не только реализовать свои способности, но приобрести некие знания, навыки, которые позволяют ему в дальнейшем устроиться в жизни, найти свое место в жизни. Четвертое – как удастся оптимизировать его социально-полезные связи. Я не говорю «восстановить», поскольку восстановление, оптимизация – это более широкое понятие, это не только... изменение социально-полезных связей, изменение ролей, изменение статуса, то есть там понятие оптимизации включает в себя около сотни различных моделей выстраивания этих связей, и действий, операций, то есть это мы здесь говорим про его нахождение в тюрьме.

По мнению Андрея Бабушкина, есть несколько опасных ошибок, которые важно избежать. Первая заключается в том, что мы отучаем человека от принятия собственных решений. Этого нельзя допускать - должна быть та сфера, где он сам принимает решения и сам за них отвечает. Если такое пространство отсутствует в реальной тюремной жизни, то оно должно быть создано тюремной администрацией искусственно. Если в тюрьму попадает примерно 20 процентов людей, которые не могут сами принимать решения, то оттуда выходит уже 30 процентов таких людей. И вторая ошибка - это, конечно, образ жизни. Продолжает Андрей Бабушкин.

Человек в тюрьме иногда расслабляется и думает: «На хрена мне работать? Всё мне государство обеспечит. Главное, побольше срок новый получить». Это тоже определенная категория, но она не очень велика, конечно. Но эти люди есть... Среди подростков это меньше, в основном, все-таки среди людей, у которых происходит внутреннее выгорание, социально-культурное выгорание к 30-40 годам. Вот там полнейшее безделье в тюрьме, - оно заразительно, то есть человек ничего не делает, а к тому, что там строят постоянно, обижают, притесняют, к этому можно приспособиться, человек адаптируется в этом достаточно быстро.

Третья и главная опасность – это неправильное выстраивание внутритюремных коммуникаций. Мы все понимаем, что нет ни идеального человека, ни человека абсолютно плохого, то есть каждый человек является носителем как позитивных, так и негативных и нейтральных качеств. В чем же состоит процесс социально-нравственной и правовой деградации человека в тюремном мире? В том, что он вступает в контакт с теми, чье поведение наиболее активно и успешно воздействует на негативные качества этого человека.

Те негативные качества, которые уже есть, они активизируются, а тех негативных качеств, которых нет, он инфицируется этими негативными качествами, он их приобретает. То есть, это могут быть в принципе два очень неплохих человека, то есть необязательно тот, кого мы считаем лидером отрицательной направленности, человек, который хочет делать что-то плохое. Это может быть человек, который хочет делать что-нибудь хорошее, Но объективно, оказывается таким образом, что если человек, на которого он воздействовал, был конфликтный, теперь он уже сверхконфликтный, он был недальновидный, теперь он сверхнедальновидный, он был наглый, теперь он сверхнаглый. То есть идет активизация негативных качеств.

Главная задача оперативников и психологов, по мнению Андрея Бабушкина – это выискивать опасные связи. Но не для того, чтобы потом всех наказать и отчитаться, а именно для того, чтобы вовремя разъединить людей. Очень важно при этом не просто полагаться на естественное возникновение неких микросообществ в тюремной системе, главное - их выстраивать. Антон Семенович Макаренко на практике использовал теорию точечного социального воздействия одной личности на другую. Так что, в принципе, все известно. Не надо ничего заново открывать - этому надо обучиться и уметь применять.

* * *

Уважаемые слушатели, в преддверии весеннего международного праздника мы поздравляем всех женщин с днем 8 марта. Этот праздник возник еще в 19 веке как день борьбы за права женщин. Женщины боролись против нищеты, за право на труд, за мир и уважение своего достоинства. Желаем вам, дорогие женщины, здоровья, любви, семейного счастья и благополучия. Если вы находитесь в заключении, пусть этот день принесет вам весточку из дома, одарит теплом родных и близких.

Вы слушали программу Облака.

Всем привет.